

Дьяченко Герман Игоревич

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

**Жестокое обращение с несовершеннолетним как признак
преступного неисполнения обязанностей по воспитанию
несовершеннолетнего**

Аннотация. В статье рассматриваются признаки жестокого обращения за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем

Ключевые слова: уголовное законодательство, виктимность, жестокое обращение, латентность, жертва, уголовное преступление.

В ситуации семейного насилия наиболее уязвимыми, конечно, являются дети, тем более что насилие по отношению к ним применяют родители. Между тем феномен «родительских» преступлений отличается особой многоаспектной спецификой, включающей значительный пласт юридически значимых, в том числе уголовно-правовых, характеристик.

Ежегодные данные официальной статистики однозначно свидетельствуют о существенном количестве преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних лиц. Значительное число таких преступлений совершается родителями. По оценкам отдельных экспертов, их доля достигает 80%. Данные официальной статистики не столь тревожны, но все равно далеко не оптимистичны. Число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи за 2020 год зарегистрировано 33315 дел.

Приведенные цифры демонстрируют волнообразную динамику числа жертв криминального родительского насилия: периоды спада сменяются ростом. В целом же его доля колеблется в диапазоне от 19 % в 2016 г. до 26% в 2020 г. При оценке реальных масштабов криминального родительского насилия необходимо также учитывать количество родителей, лишенных родительских прав. По данным Министерства просвещения РФ, число родителей, лишенных родительских прав в 2020 г., составило 28 543 чел., из них в связи с жестоким обращением с детьми, в том числе из-за физического или психического насилия над ними, покушения на их половую неприкосновенность – 210 чел. Интересно отметить, что за тот же период времени 791 человек был осужден по ст. 156 УК РФ [2], и это преимущественно родители.

Для «родительских» преступлений можно выделить следующие признаки: наличие дополнительного компонента в структуре непосредственного объекта соответствующих преступлений в виде детско-родительских отношений.

Теоретической рамкой для понимания содержания и сущности такого сложного объекта является концепция интегрированного объекта. Детско-родительские отношения – это разновидность межличностных отношений, основанных на факте родительства, усыновления-удочерения, предполагающих обязанность одной стороны (родительской) заботиться о другой стороне (детской), и корреспондирующее с этой обязанностью право несовершеннолетнего на заботу и учет своих интересов [4]. Детско-родительские отношения регулируются семейным правом в соответствии с принципами, определяемыми Конституцией РФ и общепризнанными нормами международного права.

Уместно подчеркнуть, что идея взаимной заботы и поддержки как главная характеристика семейных, в том числе детско-родительских отношений, была существенно усилена в новой редакции Конституции РФ [1]. При совершении родителем преступления в отношении сына / дочери искажается, а нередко и полностью отрицается, само по себе содержание этих

отношений. В частности, С.И. Улезко полагает, что «интегрированный объект представляет собой систему близких (но не всегда однородных) и взаимосвязанных общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен вред преступлением» [5].

Особая (специализированная) виктимность. Ее специфика обусловлена как минимум двумя факторами:

– возрастом жертвы – жертвами «родительских» преступлений являются только дети в возрасте до 18 лет. При этом законодатель с учетом особенностей преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, дифференцирует возраст жертв, иногда очень детально (например, в половых преступлениях);

– беззащитностью, беспомощностью, зависимостью ребенка от родителя, злоупотребляющего своими правами и проявляющего агрессию, насилие по отношению к нему. Юридически этот аспект отражается или в применении при назначении наказания виновным п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ или в квалификации содеянного. Совокупное применение указанного квалифицирующего признака и п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ в силу прямого законодательного запрета «двойного» учета одних и тех же обстоятельств невозможно.

По поводу признания детей беспомощными жертвами в силу их малолетства можно опираться на систематическое толкование уголовного закона применительно к преступлениям сексуальной направленности в их отношении: из содержания примечания к ст. 131 УК РФ четко вытекает, что дети младше 12 лет в любом случае в юридическом смысле признаются беспомощными жертвами. Что же касается детей в возрасте от 12 до 18 лет, то судебная практика относится к данному возрасту как к оценочному признаку, применение которого к настоящему времени относительно устойчиво [6].

Одновременно при осуждении за «родительские» преступления сложилась относительно стабильная практика применения п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ: наличие у виновного малолетних детей – как обстоятельство, смягчающее наказание, в абсолютном большинстве случаев учитывается судом, за

исключением лишь детей, ставших жертвами криминального родительского насилия. Такая практика вызывает некоторую озабоченность и сомнения в ее обоснованности, особенно в ситуации совершения собственно «родительских» преступлений (прежде всего, ст. 156 УК РФ, когда ненадлежащее отношение к своим родительским обязанностям имеет, как правило, системный характер, представляет определенную линию поведения по отношению ко всем детям, проживающим с данным родителем).

Говоря о специализированной виктимности «родительских» преступлений, нельзя не отметить еще один момент. Зачастую речь идет о непрерывной виктимизации ребенка. Так, по ст. 156 УК РФ в основе обвинения родителей, как правило, лежат многократные инциденты, отражающие системный характер применения насильственных мер «воспитания». Наиболее ярким примером «родительских» преступлений является деяние, предусмотренное ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» [4].

Таким образом, более чем 90% осужденных по ст. 156 УК РФ за жестокое обращение с детьми применялись сравнительно мягкие виды наказаний. Например, за 2020 год осуждено 791 чел., из них к лишению свободы – 30 чел., лишение свободы условно – 39 чел., ограничение свободы – 4 чел., к исправительным работам – 151 чел., к обязательным работам – 284 чел., к уплате штрафа – 251 чел.

Относительная стабильность показателей родительской преступности с незначительными колебаниями в ту или другую сторону в совокупности с весьма либеральной карательной политикой по этому и другим «родительским» преступлениям позволяет высказать предположение о том, что превентивные цели уголовной ответственности в данной области не достигаются.

И тогда, естественно, внимание авторов в первую очередь было обращено в сторону использования цифровых технологий. Мировой опыт применения цифровых технологий в «ковидное» время показал практически неограниченные возможности цифрового контроля за поведением граждан.

Многие ученые-практики обдумывали идею введения принудительного видеонаблюдения, которое хорошо коррелируется с широко обсуждаемой идеей введения в случаях семейного насилия судебного защитного предписания (охранного ордера) [4]. И даже было сформулировано предложение о дополнении УК РФ следующей нормой: «При назначении наказания лицу, совершившему насильственное преступление против члена семьи, суд может применить к осужденному принудительное видеонаблюдение по месту жительства в период отбывания наказания и (или) срока судимости продолжительностью от одного месяца до одного года. Если осужденный в период отбывания наказания или течения срока судимости вел себя безупречно, то по его ходатайству с учетом мнения потерпевших членов семьи суд может отменить принудительное видеонаблюдение досрочно».

Однако ставший привычным веб-мониторинг на дорогах, в аэропортах, метро и т.п. представляет собой контроль пространства, а не людей. Даже при использовании технологии распознавания не только лиц, но и опасных действий. Дискуссия о соотношении и приоритете правоохраняемых благ – неприкосновенности частной жизни и права человека на жизнь, здоровье, честь и достоинство – в настоящее время активно «бурлит» в гражданском обществе, в профессиональном сообществе юристов, среди участников правозащитного движения. Возможно, можно поддержать точку зрения тех авторов, которые считают, что «вмешательство во внутренние дела семьи возможно и оправданно лишь в одном случае – при реальной угрозе жизни и здоровью члена семьи». Вопрос о добровольности применения защитных мер здесь стоять не должен, поскольку полумеры на этой стадии уже недопустимы» [3].

© Таким образом, жестокость в отношении детей – сложное социальное явление, которое изучается многими науками: социологией, психологией, медициной, социальной педагогикой, уголовным и семейным правом. При этом каждая область научного знания способна со своих позиций трактовать феномен «жестокости обращения с детьми».

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Актуальные проблемы Общей части уголовного права: Учебное пособие / Отв. ред. И.А. Подройкина, И.А. Фаргиев. М.: Проспект, 2019.
4. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Дети – жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // Российская юстиция. 2020. № 12.
5. Зиновьева О.П. Принцип добровольности в профилактике семейно-бытового насилия: реальность или фикция // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2.
6. Дворянсков И.А., Антонян Е.А., Боровиков С.А. и др. Уголовное право. Общая часть. Учебник. М.: Инфра-М, 2022.

© Бюллетень магистранта 2022. Год № 1